

© 1999 г. Т.И. ВЕНДИНА

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ ДИСКРЕТИЗАЦИИ УНИВЕРСУМА

"Любое слово нашей речи, прежде чем получить современное обиходное значение, прошло сложную семантическую историю, ведущую нас в конечном счете к начальным словотворческим усилиям человека. Из каждого слова, которое мы употребляем, глядят на нас не сорок веков, а по меньшей мере сорок тысячелетий" [Абаев 1948: 14]. Эти образные слова В.И. Абаева обращают нас к словообразовательному акту как способу номинации и категоризации предметов и явлений внешнего мира, как к динамическому процессу установления связи между предметом мысли и языковым знаком, т.е., в конечном счете, как к когнитивному акту, позволяющему проникнуть в тайны механизма взаимодействия жизни и языка.

Экстраполируя положения интерпретирующей лингвистики с синтексиса на словообразование (поскольку словообразовательный акт – это в известном смысле акт предикации, о чем писал еще П.А. Флоренский, уподоблявший слово "свившемуся в комок предложению, а предложение – свободно распустившемуся слову" [Флоренский 1989: 126–127]), следует признать, что в производном слове как в языковой структуре представления знаний ярче, чем в других, немотивированных словах, высвечивается такой семиотический концепт, введенный Ч. Пирсом, как "интерпретант", поскольку именно здесь нагляднее всего эксплицируется результат предметно-познавательной, интерпретирующей деятельности человека, обладающего свободой выбора "стратегии интерпретирования". Благодаря производному слову, мы можем обратиться к исследованию мышления человека, его восприятию и членению универсума, так как именно производное слово позволяет понять, «какое концептуальное или когнитивное образование подведено под "крышу" знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [Кубрякова 1993: 23]. Сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово, таким образом, дает возможность понять "привычки сознания", узнать, **о чем и как** думает тот или иной народ, отсылая к его концептуализации мира. А поскольку эта концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых категорий и их объективируемых признаков также не является случайным и тем более хаотичным, а носит системный характер, давая представление о мировидении, мироощущении и миросозерцании народа (именно на этом основывается общность для всех членов этноса картины мира и возможность взаимопонимания).

Попытаемся проиллюстрировать это положение на материале русского диалектного словообразования, обратившись к "его словесному центру, перекрестию рядов словесной деятельности" [Флоренский 1990: 294] – имени (которое, будучи базисной единицей любого лексикона, обладает способностью к наиболее четкому членению континуума действительности), сконцентрировав внимание на двух принципиально важных вопросах:

1) выбор предмета или явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации (что само по себе свидетельствует о его значимости для носителей языка: эта значимость и явилась побуждающей способностью к словотворческим усилиям человека);

2) оценка его с точки зрения потребностей, интересов и установок познающего субъекта. При определении оценки будем исходить из того, что "оценка является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего нас мира для нашей жизни и деятельности" [Фабело 1984: 27], причем значимости не только положительной, но также отрицательной и нулевой (подробнее об этом см. [Вендина 1997: 41]).¹

Системно-функциональный подход к словообразованию позволил обнаружить не только внутреннюю системность лексического уровня языка, но и осуществить переход к исследованию словообразования в когнитивном и прагматическом аспектах, что дало возможность перейти к изучению ценностного видения мира, выявить способы оценки внеязыковой действительности и эксплицировать своеобразие в ее лексико-семантическом освоении – от названий отдельных растений или атмосферных явлений до социальных структур разного уровня.

Поскольку понятие ценности выполняет самые различные функции в механизмах жизни человека (например, координирующую между человеком и миром природы, стимулирующую или направляющую, дидактическую, регулирующую и др., подробнее см.: [Арутюнова 1988]), то в аксиологии существует множество классификаций ценностей, среди которых выделяются ценности абсолютные или вечные, конкретно-исторические, общественные или социальные, личностные, ценности биологического выживания и др. В философии и социологии в рамках системного подхода разрабатывается теория ценностей и их типология. В социальной антропологии, например, выделяются личностные ценности (в том числе ценности биологического выживания), культурные, социальные и др. (подробнее см.: [Ценности и символы 1994: 61]). В психологической литературе – ценности относительные (ценности-цели, к достижению которых стремится человек) и ценности инструментальные (или прагматические), так называемые поведенческие ценности, свойства и качества личности, которые служат достижению относительных ценностей [Rokeach 1973]. В лингвистической литературе также существует несколько классификаций, из которых, на наш взгляд, наиболее удачной и приемлемой является классификация, предложенная Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1982; 1988], в которой, в частности, выделяются **сенсорные** ценности (куда входят **гедонистические** и **психологические** ценности), **сублимированные** (включающие **эстетические** и **этические** оценки) и **рационалистические** (объединяющие **утилитарные**, **нормативные** и **телеологические** оценки). Дальнейшее развитие этой классификации содержится в работах Я. Пузыниной [Puzynina 1982; 1992], которая предлагает различать ценности **прагматические** и ценности **относительные** (в последние включаются **трансцендентные** или **метафизические**, **познавательные**, **эстетические**, **моральные**, **нравственные**, **витальные**, а также **ценности восприятия**), причем обе группы ценностей могут быть как позитивными, так и негативными. В настоящей работе в качестве теоретической платформы используется классификация Н.Д. Арутюновой.

Эмпирические наблюдения над словообразовательным материалом с позиции лингвистической аксиологии позволили обнаружить интересные факты, коррелирующие с этой классификацией и свидетельствующие об аксиологической ориентированности словообразования, ибо в каждой семантической сфере языка (открытой для актов словообразования) использование средств деривации подчиняется логике своей системы ценностей.

Объектом исследования явился русский макрокосм, рассмотренный сквозь призму синоптической схемы Р. Халлига и В. Вартбург [Hallig, Wartburg 1963].

¹ Удачную, на наш взгляд, аргументацию этой классификации ценностей привел А.А. Ивин, который, выделяя "нулевые ценности", замечает, что "слово *действие* является общим именем не только для собственно действия, но и для воздержания. Поэтому ценностное отношение имеет место как в том случае, когда предмет оказывается объектом положительного или отрицательного интереса субъекта, так и в том, когда предмет исключается субъектом из сферы своих интересов, когда ему приписывается нулевая ценность" [Ивин 1971: 13].

Работа над "Лексическим атласом русских народных говоров" (ЛАРНГ), а также эмпирические наблюдения над русским диалектным словообразованием привели нас к выводу о том, что оно является не пассивной объективацией внешнего мира, а сознательным и целенаправленным актом словотворчества, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. Сам процесс "**означивания**" предметов и явлений внешнего мира с помощью словообразовательных средств представляет измерение их **значимости** для носителей языка. Поэтому именно в словообразовании ярче всего реализуется идея связи сознания со структурой языка. "Сознание движется по миру на повозке языка и возвращается обогащенным к самому себе" [ФЭС: 555].

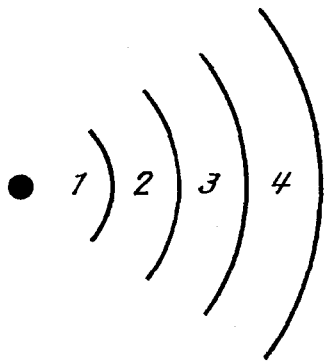
Взаимодействие человека с окружающим миром, в процессе которого происходит познание и оценка мира, приводит к формированию ценностного видения мира. Оценивание действительности с точки зрения потребностей, интересов и установок познающего субъекта формирует глубинную основу системы ценностей русского народа и оказывает влияние на формирование его ментальности².

О ценностном отношении к миру, и в частности к природе, "вещающей и кормящей человека" [Гумилев 1992: 11], свидетельствует существование в русском словообразовании избирательности в детерминации явлений природы и выбора совершенно определенных мотивировочных признаков, актуализируемых в акте словообразования (подробнее о мотивировочных признаках см. [Вендина, 1996: 40]). Словообразовательные средства привлекаются, как правило, для означивания тех реалий, которые **могут оцениваться**, когда необходимо актуализировать в них такие признаки и свойства, которые имеют практическое значение для человека в его освоении мира, что свидетельствует о приобретении этими реалиями нового, утилитарного статуса. Среди них не только те, которые связаны с биологическим выживанием человека или имеют хозяйственно важное значение, но и те, которые помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы.

Познание мира – сложный процесс моделирования окружающей действительности. "Мыслительная и познавательная деятельность людей не ограничивается отражением реальности. Окружающий мир не просто дублируется с помощью знаковых средств, а оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы внешнего мира оцениваются, принимаются или отвергаются человеком" [Дмитровская 1988: 8], т.е. человек не только познает мир, но и оценивает его стороны с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Поэтому любая оценка содержит два относительно самостоятельных аспекта: гносеологический и ценностный, т.е. оценка является специфической формой проявления познания. Не случайно Т.А. ван Дейк называет ее "когнитивным феноменом", тесно связанным с практической деятельностью человека [Дейк 1989: 12]. Именно этим обстоятельством объясняется, по-видимому, факт селективности словообразования, когда одни семантические сферы языка оказываются открытыми для актов словообразования, тогда как другие – практически закрытыми.

Если попытаться представить структурную организацию семантических сфер русского макрокосма, в формировании которых участвуют словообразовательные средства, то схематически это можно выразить следующим образом:

² Думается, что не случайно В.О. Ключевский свой "Курс русской истории" начинает с анализа русской природы и ее влияния на историю русского народа. Именно здесь, по его мнению, закладываются начала национального менталитета и национального характера русских (ср., например, его пассаж о равнине и ее воздействии на характер русского человека: "Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление... Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом – и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли" [Ключевский 1987: 86]).

1 – растительный мир, 2 – животный мир, 3 – ландшафт, 4 – небо и небесные тела, ● – человек.

Такая иерархия словообразовательно структурированных семантических сфер языка дает представление об элементарных формах жизни и хозяйствования русского народа и, думается, свидетельствует прежде всего о его земледельческих приоритетах и психо-логических связях в первую очередь с растительным миром.

Образ жизни (*modus vivendi*) не мог не сказаться на образе мышления (*modus cogitandi*). Существование тесных эмоционально-когнитивных и аксиологических, потребностно-мотивационных связей русского народа с окружающим его миром вело к актуализации в каждой семантической сфере макрокосма своих характерных мотивировочных признаков и оценок.

Так, в частности, в семантической сфере "Растительный мир", наиболее открытой для актов словообразования, словообразовательные средства используются прежде всего для актуализации главной оппозиции "свой"

~ "чужой", выраженной в противопоставлении двух участков этой многоуровневой гетерогенной системы – освоенной и неосвоенной природы (с одной стороны, "сад", "огород", "поле", с другой – "лес"). Растительный мир в производных названиях предстает в виде двух неравнозначных сфер – "свое", полезное, требующее заботы и ухода ("сад", "огород", "поле") и "чужое", опасное, требующее осторожности ("лес"). Словообразовательное маркирование получает, как правило, "чужое", "свое" же как известное (а потому неопасное) словообразовательно детерминируется реже. Повидимому, именно этим объясняется наличие многочисленных производных, обозначающих "лес", в которых с помощью словообразовательных средств объективируются такие его признаки, как **густота** (особенно когда необходимо обозначить густой, дремучий, непроходимый лес, ср. *глушиник* Тул., СРНГ, 6: 219; *густарник* Алт., СРНГ, 7: 245; *густень* Урал., СРНГ, 7: 246; *гуцара* Пск., Новосиб., СРНГ, 7: 251; *заглушица* Олон., СРНГ, 10: 7), **возраст**, особенно при обозначении молодого леса как леса, непригодного для строительства домов, мостов, лодок и других сколь-либо значительных хозяйственных целей³ (ср. *маяг*, *маяга* Олон., СРНГ, 17: 348; *молодежник* Костром., Твер., СРНГ, 18: 220; *молоденик* Пск., Твер., СРНГ, 18: 221; *молодик* Пск., Твер., СРНГ, 18: 223; *молодник* Нижегород.; *молодняг* Новг., СРНГ, 18: 225; *подрось* Перм., Свердл., СРНГ, 28: 160; *подрость* Перм., СРНГ, 28: 162; в том числе молодого леса по произрастающим в нем породам деревьев, ср. *дубна*, Центр., Зап.; *дубок* Костром., СРНГ, 8: 237 'молодой дубовый лес'; *ельняжек* 'молодой еловый лес' Петерб., Олон., СРНГ, 8: 353; *подсосёнок* 'молодой сосняк' Зайрале, СРНГ, 28: 191), **место произрастания** леса (ср. *болотовина* 'лес, растущий на болоте' Смол., СРНГ, 3: 78; *бережина* Арх., СРНГ, 2: 248; *прибрежник* ЛАРНГ; *поречник* Забайкал., СРНГ, 30: 58 'лес, растущий по берегам рек, озер'; *гривняк* 'лес, растущий на высоком месте' Север., СРНГ, 7: 145). Кроме того, словообразовательные средства активно включаются в акт номинации при необходимости охарактеризовать лесной массив с точки зрения **качества произрастающих в нем деревьев**. При этом на первый план выходит когнитивно-прагматический аспект: с помощью словообразовательных средств объективируются, как правило, отрицательные признаки, о чем свидетельствует не только количество и состав производных, но и нередко их отсутствие при обозначении положительного признака. Так, в частности, обращение к словообразовательным средствам наблюдается в том случае, когда необходимо обозначить:

³ Об этом прагматическом подходе свидетельствуют, как представляется, следующие названия молодого леса: *жердник* 'молодой, тонкий лес, идущий на жерди' Костром., Вят., Краснояр., СРНГ, 9: 132; *палочник* 'молодой лес, идущий на палки', Волог., Киров., Моск., СРНГ, 25: 175 и др.

– лес с большой древесиной (ср. *гнилетье* Петерб., СРНГ, 6: 245; ЛАРНГ) или высушающий на корню лес (ср. *жарник*, *жарняк* Олон., СРНГ, 9: 81–82; *сухара* Нижн., Костром., *сушинник*, *суховершник* Нижн., Даль, IV: 366), при том, что для обозначения здорового, сильного леса используются описательные конструкции (ср. *взводистый лес* Твер., СРНГ, 4: 250; *жаровой лес* Арх., Пск., Волог., Костром., Перм., Ср. Урал, Оренб., Тобол., Новосиб., Кемер., СРНГ, 9: 83; *жирный лес* Пск., СРНГ, 9: 183; *жировой лес* Том., Свердл., Новосиб., Иркут., СРНГ, 9: 186; *кондовый лес* Арх., Тобол., Волог., Новосиб., Оренб., СРНГ, 14: 247; *ствольный лес* ЛАРНГ, *спелый лес* ЛАРНГ);

– мелкий, малорослый лес (ср. *мелкаш* Арх., СРНГ, 18: 98; *мелкотина* Киров.; *мелкотник* Краснояр., СРНГ, 18: 101; *малоросник* Ср. Урал, СРНГ, 17: 337; *мелколесник* Ряз., СРНГ, 18: 100), в том числе видовые названия (ср. *игольник* ‘мелкий хвойный лес’ СРНГ без указ. места, 12: 64), ср. также единичные дериваты при обозначении хорошего леса, с большими, высокими деревьями; *высокоствольник* ЛАРНГ; *крупнолесок* Брян., СРНГ, 15: 320);

– кривой, нестройовой лес (ср. *вилажник* Свердл., СРНГ, 4: 280; *коряжник* Самар., Моск., Ряз., Астрах., Новосиб., СРНГ, 15: 42; *кривьё* Курск., СРНГ, 15: 252; *рассошник* Даль без указ. места, IV: 49), ср. также единичные производные для обозначения строевого леса: *лесинник* Пск., Твер. СРНГ, 16: 370).

Все эти признаки оказываются несущественными для обозначения “своего”, в частности, сада, огорода или поля.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в процессе освоения мира, освобождаясь от власти “дикой природы”, человек постепенно попадал в зависимость от созданной им “второй природы”. “Привязанный к земле сельским хозяйством, поглощенный сельским трудом, человек воспринимал природу как интегральную часть самого себя” [Гуревич 1984: 58], отсюда внимание к маркированию тех признаков и свойств растений, которые имели для него хозяйственно-важное значение (ср., например, объективацию такого признака, как **время созревания** огородных культур: ср. *озимовка* Курск., Ворон., СРНГ, 23: 94; *позднушка* СРНГ без указ. места, 28: 327; *поздняк* Пск., Смол., СРНГ, 28: 327; *поздыш* Иркут., СРНГ, 28: 331 ‘поздно созревающие овощи’; *первовка* СРНГ без указ. места, 26: 9; *скороспелка* Даль без указ. места, IV: 205 ‘ранние овощи’; *сорокодневка* ‘сорт картофеля’ ЛАРНГ), их **качество** (ср. *мерзлятина* Пск., Твер., Смол., Ленингр.; *мерзлячье* Зап. Брян., СРНГ, 18: 118; *морозобой* Арх., СРНГ, 18: 271 ‘овощи, поврежденные морозом’), **спелость** (ср. *дозрелок* Пск., Смол., СРНГ, 8: 95; *зрелец* Арх., СРНГ, 11: 348 ‘зрелый плод’, *зеленец* Нижегород., Костром., Моск., Волог., Сев.-Двин., Арх., Прикамье, Том., Краснояр., СРНГ, 11: 246; *зеленчак* Казан.; *зеленчук* Куйбыш., СРНГ, 11: 250; *зельняк* Пск., Твер., СРНГ, 11: 254; *недоспелка* Пск.; *недоспелок* Пск., СРНГ, 21: 31; *недородыш* Пск., Твер., СРНГ, 21: 29; *недоходыш* Пск., СРНГ, 21: 36 ‘незрелый плод’), или признака **классификационной отнесенности** в названиях плодовых деревьев и их плодов (ср. *белкино* ‘сорт больших и сладких яблок’ Твер., СРНГ, 2: 215; *белушка* ‘сорт груши, имеющей белесый цвет плода и матово-серый цвет листьев’ Брян., СРНГ, 2: 229; *липка* ‘сорт некрупных скороспелых яблок с запахом цветущей липы’ Пенз., СРНГ, 17: 55; *малиновка* ‘сорт кисло-сладких яблок’ Ворон., Влад., СРНГ, 17: 328; *огурцовка* ‘сорт красных средней величины яблок’ Ворон., СРНГ, 22: 367) или огородных культур, например, **картофеля** (ср. *балканец* Костром., СРНГ, 2: 82; *бухарка* Калуж., Ряз., СРНГ, 3: 320; *великанка* Ленингр., Ряз., СРНГ, 4: 107; *корневка* Кемер., Ср. Приобье, СРНГ, 14: 316; *мериканка* Том., Ср. Приобье, Костром., Литв., СРНГ, 18: 118; *нецветушка* Том., СРНГ, 21: 205 ‘сорта картофеля’), **капусты** (ср. *коломенка* Яросл., СРНГ, 14: 169; *кудряшка* Кемер., СРНГ, 16: 16; *курчавка* Новосиб., СРНГ, 16: 148 ‘сорта капусты’), **брюквы**

(ср. немка Яросл., Калинин., Смолен., Ряз., Калуж., Горьк., Ср. Урал, Вят., Орл., СРНГ, 21: 81), **лука** (ср. *зеленец* 'сорт лука' Кемер., СРНГ, 11: 246), **огурцов** (ср. *белогубка* 'сорт круглых огурцов с плоскими белыми ребрышками у верхушки' Моск., СРНГ, 2: 219), **свеклы** (ср. *ботвинка* 'столовая свекла' Латв., СРНГ, 3: 134); ср. также сорта **пшеницы** (*белоколоска* Нижегород., Перм., Тюмен., Свердлов., Том., СРНГ, 2: 220; *белокурка* Том., СРНГ, 2: 221; *булгарка* Дон, СРНГ, 3: 268; *бухарка* СРНГ без указ. места, 3: 320; *кособрюховка* Ставроп., СРНГ, 15: 62; *кубанка* СРНГ без указ. места 17: 328; *малиновка* Ставроп., СРНГ, 17: 328; *усатка* Даль без указ. места, IV: 517) или сорта **льна** (*головняк* Новосиб., СРНГ, 6: 311; *долгун* Ср. Урал, СРНГ, 8: 109; *кудряш* Новосиб., Ряз., Калинин., СРНГ, 16: 15; *коротень* Моск., СРНГ, 14: 368) и т.д.

Нельзя не отметить еще одной особенности семантической сферы "Растительный мир" – высокой семантической и деривационной расчлененности номинативного участка "дикой" природы (особенно ярко выраженной в названиях трав, где с помощью словообразовательных средств достигается детализация и конкретизация многочисленных названий трав). Обращение к словообразовательным средствам наблюдается, в частности, когда необходимо сообщить:

– об окраске цветов или листьев травы (ср. *белик* 'частуха *Alisma plantagoagnaticum* L.' Тамб., СРНГ, 2: 212; *голубоцветник* 'василек' Ворон., СРНГ, 6: 341; *желтушка* 'ястребинка *Hieracium* Vill.' Волог., СРНГ, 9: 114; *зеленик* 'пролеска многолетняя *Mercurialis perennis* L.' Вят., СРНГ, 11: 247; *золотолистник* 'селезеночник *Chrysosplenium alternifolium* L.' Ворон., СРНГ, 11: 334; *краснобыльник* 'кипрейник, Иван-чай *Chamaenerium* Adans' Волог., Сев.-Двин., СРНГ, 15: 180);

– о форме листьев или цветка (ср. *игольник* 'гвоздика травянка *Dianthus deltoides* L.' Петерб., Волог., Твер., Калуж., СРНГ, 12: 64; *кубышечник* 'кубышка желтая *Nuphar luteum* L.' Твер., СРНГ, 15: 386; *кувшинник* 'водяная лилия' Влад., СРНГ, 15: 391; *лепешечник* 'подорожник *Plantago lanceolata* L.' Ворон., СРНГ, 16: 363);

– о запахе травы или цветка (ср. *вонюка* 'название растений сем. зонтичных, имеющих неприятный запах' Курск., Липец., СРНГ, 5: 93; *духмяник* 'мята лесная *Mentha silvestris* L.' Новг., Пск., СРНГ, 8: 278; *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места, 25: 298);

– о вкусе травы (ср. *горькуха* 'одуванчик' Пск., СРНГ, 7: 82; *горькуша* 'полынь' Новг., Ряз., СРНГ, 8: 82; *кисленица* 'щавель' Вят., Ср. Урал., Перм., СРНГ, 13: 229; *медовник* 'клевер' Саратов., Арх., Волог., СРНГ, 18: 71; *сольник* 'солерос *Salicornia* L.' Даль без указ. места IV: 268);

– об особенности строения ее стебля (ср., например, названия трав, выделяющих на изломе молочко: *молоканка* 'молочай *Euphorbia procera* auct.' Дон., СРНГ, 18: 234; *молочай* 'осот *Sonchus arvensis* L.' Ленингр., Пск., Екатер., Нижегород., Курск., Дон., Брянск., Ряз., Саратов., СРНГ, 18: 243; *молочница* 'лебеда *Atriplex* L.' Олон., СРНГ, 18: 246);

– о месте произрастания травы, например, **на болоте** (ср. *болотник* 'стрелолист *Sagittaria sagittifolia* L.' Твер., СРНГ, 3: 79; *мочажинник* 'болотная трава' Тамб., Пенз., Дон., СРНГ, 18: 315), **по берегам** водоемов или в самом водоеме (ср. *водяник* 'растение, цветущее желтыми цветами и растущее по берегам рек' Яросл., Новг., СРНГ, 4: 349; *побережник* 'вероника поручейная *Veronica beccabunga* L.' Курск., СРНГ, 27: 193; *поречь* 'трава (осока, резуха, очерет) по болотистым или песчаным берегам реки' Арх., СРНГ, 30: 58), **на лугу** (ср. *луговица* 'луговая трава' Яросл., Киров., Арх., Пск., Твер., СРНГ, 17: 175; *луговка* 'кровохлебка *Sanguisorba officinalis* L.' Влад., СРНГ, 17: 176), **на опушке** леса (ср. *подлес* 'одноцветка *Moneses grandiflora* L.' Волог., СРНГ, 28: 62; *подлесник* 'копытень *Asarum europaeum* L.' Курск., Волог., СРНГ, 28: 63), **вдоль дорог** (ср. *подорожник* 'любая трава, растущая вдоль дороги' Новосиб., СРНГ, 28: 121; *попутник* 'подорожник *Plantago* L.' Волог., Арх., Ср. Урал, Приобье, СРНГ, 30:

20; *придорожник* 'спорыш *Polygonum aviculare*' Даль без указ. места III: 411), **под деревьями** (ср. *подорешник* 'копытень *Asarum europaeum* L.' Курск., СРНГ, 28: 121; *подосинник* 'фиалка удивительная *Viola mirabilis* L.' СРНГ, 28: 123).

– о времени появления или цветения травы, цветка, а также о продолжительности его цветения (ср. *веснянка* 'подснежник' Пск., СРНГ, 4: 187; *зимоцветка* 'подснежник' Перм., СРНГ, 11: 281; *майноцветка* 'майник *Majanthemum bifolium* L.' Урал., СРНГ, 17: 305; *леторосль* 'трава, вырастающая летом' Орл., Васильченко, 1996: 6);

– о способе распространения травы или ее семян (ср. *ветродуй* 'сон-трава *Pulsatilla patens* Mill.' Тобол., СРНГ, 4: 203; *повиличник* 'сорное растение повилыка *Fumaria officinalis* L.' Нижегород., Вят., Перм., Курск., СРНГ, 27: 245; *катун* 'рогач, устели – поле *Serratocarpus agerarius* L.' Урал., СРНГ, 13: 134; *летун* 'сорняк – мелкий овес' Арх., Сев.-Двин., СРНГ, 17: 25; *ползунка* 'стелющееся растение' Брян., СРНГ, 29: 67; *плетень* 'вьющаяся дикая гречиха' Том., Ср. Приобье, СРНГ, 27: 123);

– о воздействии травы (ср., например, названия **дурманных** трав: *болиголовник* 'болиголов *Conium maculatum* L.' СРНГ без указ. места 3: 75; *дурнопьян* 'название некоторых ядовитых растений' Брян., Терск., Дон., СРНГ, 8: 271; *пьяничник* 'пьяная трава, одурь' Вост. Сиб., Даль, III: 549; или, например, **очищающих** трав: *кровочист* 'смирния *Smymium dodonaei* Spr.' СРНГ без указ. места 15: 270; *чистец* 'гребник *Geum urbanum* L.' Даль без указ. места, IV: 607; *чистотел* 'молочай' Даль без указ. места, IV: 608; **кровоостанавливающих**: *крововик* 'кровохлебка *Sanguisorba* L.' Ср. Урал, СРНГ, 15: 264; *кровобой* 'вид девясила' СРНГ без указ. места, 15: 266; *кровососка* 'черноголовка *Sanguisorba officinalis* L.' СРНГ без указ. места 15: 270; действующих как **слабительное**: *дристунец*, *дристунок* 'иван-да-марья *Melampyrum nemorosum* L.' Калуж., СРНГ, 8: 186 или как **снотворное**: *дремотник*, *дремуха* 'дрема *Melandrium Roehl.*' Моск., Пск., СРНГ, 8: 184);

– о способе ее применения (ср. *запарница* 'зверобой' Перм., СРНГ, 10: 303; *примочник* 'примочная трава *Campanula trachelium* L.' Урал., Коновалова 1993).

Словообразовательные средства используются не только в целях объективации реальных свойств и качеств трав, но и **ирреальных**, т.е. таких, которые лишь приписываются им человеком, но которые, однако, также отражают особенности его мировосприятия (ср. *волкорезина* 'сорная трава' Смол., СРНГ, 5: 42; *коновальник* 'клевер *Trifolium alpestre* L.' Тамб., СРНГ, 14: 260; *куросленник* 'лютик *Ficaria verna* Huds.' Саратов., Ср. Приобье, СРНГ, 16: 141 и др.).

В семантической структуре этих фитонимов часто просвечивают отношения подобия, т.е. с помощью словообразовательных средств актуализируется признак сходства (нередко воображаемого) с различными реалиями внешнего мира, а именно: **с животными** (ср. *баранчик* 'земляной плющ *Glechoma hederacea* L.' Астрах., СРНГ, 2: 107; *зайчук* 'василек *Centaurea Cyanus* L.' Тамб., СРНГ, 10: 110; *козлятик* 'порезник черный *Libanotis montana* L.' Саратов., СРНГ, 14: 71; *песика* 'сурепка *Barbarea vulgaris* L.' Симб., СРНГ, 26: 301); **с птицами** (ср. *воронец* 'купена аптечная *Polygonatum officinale* All.' Тобол., СРНГ, 5: 113; *гусеножник* 'лапчатка *Potentilla fragarioides* L.' Урал., Гурьев., СРНГ, 7: 243; *курочка* 'венерин башмачок *Cypripedium guttatum* Sw.' Перм., СРНГ, 16: 142); **с деревьями** (ср. *березка* 'вьюнок полевой *Convolvulus arvensis* L.' Курск., Брян., Симб., Костром., Перм., Свердлов., СРНГ, 2: 251; *дубец* 'солодка голая *Glycyrrhiza glabra* L.' Дон., Рост., СРНГ, 8: 235; *елочка* 'хвощ полевой *Equisetum pratense* L.' Пск., Кемер., Том., СРНГ, 8: 347); **с предметами домашнего обихода** (ср. *батожок* 'щавель' Онеж., Арх., СРНГ, 2: 146; *котелки* 'колокольчики *Campanula patula* L.' Вят., СРНГ, 15: 102; *кувшинчик* 'ястребинка *Hieracium pilosella* L.' Влад., СРНГ, 15: 391; *подойнички* 'одуванчик *Taraxacum officinale* Wigg.' Калуж., СРНГ, 28: 114); **с частями тела** человека или животного (ср. *лапка* 'одуванчик *Taraxacum officinale* Wigg.'

Костром., СРНГ, 16: 263; *копытки* 'копытень *Asarum europaeum* L.' Южн., Перм., СРНГ, 14: 304; *пузик* 'ирис-касатик *Iris sibirica* L.' Вят., Даль, III: 536); с **самим человеком** (причем в качестве мотивирующих используются, как правило, либо термины родства, ср. *бабушка* 'василек' Новг., СРНГ, 2: 30; *братики* 'растение иван-да-марья' Южн. Россия, СРНГ, 3: 157; *братки* 'анютины глазки *Viola tricolor* L.' Сиб., СРНГ, 3: 159; *дедки*, *дедок* 'лопушник *Arctium lappa* L.' Смол., СРНГ, 7: 329; либо социальная лексика, ср. *княжок* 'княжик альпийский *Atragene alpina* L.' Волог., СРНГ, 13: 351; *поповка* 'бодяк разнолистный *Cirsium heterophyllum* All.' Калуж., Нижегород., СРНГ, 29: 325; либо этническая, причем терминология довольно ограниченного круга, ср. *мордвин*, *мордвинник* 'чертополох *Carduus* L.' Влад., Нижегород., Симб., СРНГ, 18: 258; *татарин*, *татарник* 'название разных колючих, сорных трав *Carduus* L.', Даль без указ. места, IV: 392⁴; либо антропонимическая (ср. *авдотька* 'растение из сем. лютиковых *Trollius europaeus*', СРНГ без указ. места, 1: 197; *василиска* 'травянистое растение *Thalictrum* разных видов' Забайкал., Иркут., СРНГ, 4: 66; *иванчик* 'одуванчик' Калуж., СРНГ, 12: 57; *матренка* 'тысячелистник *Achillea millefolium* L.' Влад., Костром., Нижегород., Волог., Свердл., Моск., Ряз., Калинин., СРНГ, 18: 35).

Следует, однако, признать, что в русском травнике таких образных названий растений сравнительно немного, т.к. образность в известной степени затрудняет идентификацию растения и в связи с этим возможность его правильного использования.

В названиях трав (особенно лекарственных) отразились и такие ирреальные свойства и качества, которые свидетельствуют о сохранении русским народом языческих представлений о растениях как о живых существах, наделенных злыми и добрыми силами (ср., например, названия папоротника *волшебник* Тамб., СРНГ, 5: 82)⁵. С помощью словообразовательных средств в этих названиях объективируются представления о симпатической магии растений (ср. названия таких трав, как *люб-трава*, *любавик* 'растение, которым привораживают, вызывают любовь' Орл., Васильченко 1996: 60; Калуж., СРНГ, 17: 233; *ворожея* 'трава' (какая?): "растет по лугам и лесам, на сухих местах... ее полезно носить при себе, и будешь почитаем от людей" Калуж., СРНГ, 5: 110; *ворогуша* 'копытень европейский *Asarum europaeum* L.' Калуж., СРНГ, 5: 109). Согласно этим представлениям, воздействие на человека (или его отдельный орган) может быть осуществлено с помощью предмета (в том числе растения), имеющего какое-либо сходство с ним по форме, функции и т.д. (ср. *лом-трава* 'в народных поверьях трава, обладающая волшебными свойствами – ломать замки и другие железные предметы' Арх., Перм., СРНГ, 17: 125; *перелет-трава* 'сказочная трава, которую ищут для счастья и удачи в ночь на Иванов день, цветок ее радужный, огненный и перепархивает мотыльчком' СРНГ без указ. места, 26: 141; *разрыв-трава* 'народное название некоторых растений, с помощью которых, по народным поверьям, можно излечить болезни, отпереть любой замок', Васильченко, 1996:60). Отсюда возникало представление о волшебных и целительных свойствах растений, особенно тех, которые чем-либо напоминают части человеческого тела (ср. *грудник* 'репейник аптечный *Agrimonia eupatorium* L.' "от боли груди" Курск., Смол., СРНГ, 7: 162; *печеночник* 'чистяк *Chelidonium* L.' Даль без указ. места, III: 109; *сердечник* 'полевая горчица, смолянка *Cardamine pratensis* L.' Даль без указ. места, IV: 175). Существует целая группа лекарственных растений, излечивающих от лихорадки, названия которых связаны с легендой о двенадцати сестрах-лихорадках (см. [Коновалова 1993]). Интересно, что чаще всего эти фитонимы строятся по продуктивной

⁴ Интересно, что наименования трав по социальному или этническому признаку относятся, как правило, к колючим, ц е л я ю щ и м с я за одежду растениям (не на этом ли признаке основан метафорический перенос?).

⁵ Подробнее об этом см., например [Коновалова 1993].

словообразовательной модели, представляющей собой компрессию атрибутивного сочетания + суф. -ик, что косвенным образом свидетельствует о прагматической ценности данного концепта.

Не имея возможности представить весь материал в полном его объеме (подробнее см. в [Вендина 1998a]), отметим, что среди множества признаков, актуализируемых в акте словообразования, в этой семантической сфере ведущими являются три: **качественно-характеризующий**, отражающий первичный уровень знания, связанный с субъективным восприятием качеств и свойств фитонимов (ср. *гнилуга* 'гнилое дерево' Влад., СРНГ, 6: 246; *лиственка* 'лиственница' Урал, Приобье, Том., Онеж., Арх., СРНГ, 17: 64; *мелкота* 'плохая низкорослая трава' Арх., СРНГ, 18: 101), **локативный** (ср. *бережина* 'лес, растущий по берегам рек, озер' Арх., СРНГ, 2: 248; *подлесник* 'копытень *Asarum europaeum* L' Курск., Волог., СРНГ, 28: 63; *попутяй* 'гриб груздь' Моск., СРНГ, 30: 21) и **акциональный** (ср. *дрожница* 'осина' Дон, СРНГ, 8: 197; *подростель* 'мелкий, малорослый лес' Перм., Свердлов., СРНГ, 28: 161; *катунь* 'перекати-поле' Том., СРНГ, 13: 134), которые относятся уже ко вторичному уровню знания, в связи с чем носят обобщенный характер. Интересно, что количественный признак, имеющий важное значение в названиях атмосферных явлений, и акторный, входящий в число ведущих в названиях ландшафта, находятся здесь на периферии.

Что касается инвентаря аксиологических оценок, то отличительной особенностью этой семантической сферы языка является то, что здесь широко представлены практически все виды оценок (выделяемых Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1982: 12]) за исключением, пожалуй, психологических, встречающихся крайне редко, ср.:

оценки-аффективы, отражающие первый, чувственный опыт познания мира:

зрение (ср. *голубица* 'голубика' Новг., Ленингр., СРНГ, 6: 24; *желтушка* 'одуванчик' Киров., СРНГ, 9: 115; *рыжея* 'рыжик' Даль без указ. места, IV: 117);

слух (ср. *скрипица* 'гриб подорешник' Даль без указ. места, IV: 209);

обоняние (*вонючка* 'мелкий летний гриб' Тамб., СРНГ, 5: 94; *пахучка* 'душистый вереск' СРНГ без указ. места, 25: 298);

осязание (*гладыш* 'ландыш' Калуж., СРНГ, 6: 181; *масляй* 'масленок' Новг., Олон., СРНГ, 18: 14; *мякушка* 'сочная трава' Новг., СРНГ, 19: 82);

вкус (*горькуха* 'одуванчик' Пск., СРНГ, 7: 82; *горчан* 'несъедобный горький гриб, похожий на груздь' Брян., СРНГ, 7: 73; *кисляница* 'клюква' Костром., Вят., СРНГ, 13: 236);

оценки-когнитивы, отражающие второй этап восприятия предметов и явлений внешнего мира, среди которых ярче всего представлены **рационалистические** оценки, включающие широкий спектр оценок, "связанных с практической деятельностью человека, его практическими интересами и повседневным опытом; их основные критерии: физическая или психическая польза, направленность на достижение определенной цели, выполнение некоторой функции, соответствие определенному стандарту" [Арутюнова 1982: 14]. Это самая обширная группа оценок, поскольку "с помощью словообразовательных средств маркируется, как правило, все то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем мире" [Вендина 1996: 40], ср., например, **функциональные** оценки, указывающие на назначение: леса (*дровяник* 'лес, идущий на дрова' Пск., Твер., Моск., Калуж., Арх., Перм., Свердлов., СРНГ, 8: 194; *избняк* 'лес, идущий на строительство домов' ЛАРНГ), травы (*чистотел* 'молочай' Даль без указ. места, IV: 608) или грибов (*солонуха* 'гриб, идущий на засолку' Твер., Даль, IV: 268); **утилитарные**, особенно в названиях сорных трав (ср. *дураш* Ср. Урал, СРНГ, 8: 265; *дурмень* Новосиб.; *дурмина* Ср. Урал; *дурнига* Урал.; СРНГ, 8: 268) или несъедобных грибов (ср. *поганик* Олон., Арх.; *поганиш* Литв., Эст., Костром.; *поганка* Арх.,

Волог., Вят., Ворон., Том., Орл. СРНГ, 27: 287) или прагматические, указывающие на воздействие трав (ср. *дурнопьян* 'название некоторых ядовитых растений' Брян., Терск., Дон., СРНГ, 8: 271; *кровочист* 'смирния *Smurnium dodonaei* Spr.' СРНГ без указ. места; 15: 270; *лечебник* 'подорожник *Plantago L.*' Васильченко 1996) или способ приготовления грибов (ср. *отварушка* 'грибы, употребляемые в пищу только после варки' Влад., СРНГ, 24: 131; *сушонок* 'гриб, пригодный для засушивания' ЛАРНГ); и лишь изредка встречаются психологические оценки, передающие субъективно-ориентированное восприятие реалии (ср. *весельник* 'лес из молодых березок' Пск., СРНГ, 4: 182);

оценки-сублиматы или абсолютные оценки, которые как бы "возвышаются над сенсорными (и, добавим, когнитивными) оценками, гуманизируя их" [Арутюнова 1982: 14], удовлетворяя чувство прекрасного и нравственные чувства субъекта. Эти оценки встречаются сравнительно редко и среди них, пожалуй, можно выделить лишь эстетическую оценку (ср. *красовик* 'подосиновик' ("красивый гриб, потому и зовут красовик") Ярослав., Калинин., Моск., СРНГ, 15: 198; *красавица* Саратов.; *красавка* Омск, СРНГ, 15: 172 'сорт яблок'). Это сравнительно редкое обращение к эстетической оценке в номинативном освоении растительного мира объясняется, как представляется, все той же спаянностью человека с миром природы. Отсутствие дистанции между человеком и миром природы не позволяло взглянуть на нее как бы "со стороны". Эстетическое любование природой уходило в номинативной сфере на задний план, тогда как на переднем оказывались земледельческие приоритеты, прагматические цели.

Особенно ярко аксиологическая ориентированность словообразования проявляется в названиях трав и грибов, в которых наряду с сенсорной оценкой отчетливо выражены рационалистические оценки (ср., например, утилитарные оценки в названиях сорных трав *дурнина* Сиб., Том., Кемер., Ср. Урал., СРНГ, 8: 268; несъедобных грибов *поганец* Новг., Арх., Ряз., Свердл., Горьк., СРНГ, 27: 287) или прагматическая, указывающая на воздействие трав *кровогона* 'можжевельник казацкий *Juniperus sabina L.*' СРНГ без указ. места, 15: 268; или способ приготовления грибов *солонуха* 'гриб, годный для засола' Твер., Даль, IV: 268).

В названиях деревьев аксиологически нейтральная зона значительно шире, чем в названиях трав или грибов, о чем свидетельствует русский дендрариум, представленный в основном общеславянской лексикой, являющейся с синхронной точки зрения производной. Обращение к словообразовательным средствам происходит, как правило, тогда, когда подключаются утилитарные и прагматические оценки, а именно, когда необходимо указать на назначение дерева, его полезные свойства или качества (ср. *мочальник* 'мелколистная липа, кора которой идет на изготовление мочал' Вят., Симб., Свердл., СРНГ, 18: 316; *корзиночник* 'ива прутьевидная, которая используется для изготовления корзин' Южн., СРНГ, 4: 331; *полозняк* 'лес, годный для полозьев' Забайкал., СРНГ, 29: 106), на возможность использования его в строительстве (ср. *кровельник* 'лес, идущий на постройку крыш' Твер., Пск., СРНГ, 15: 267; *мостовильник* Урал; *мостовинник* Свердл.; *мостовняк* Моск., СРНГ, 18: 291–293 'лес, употребляемый на настил моста' и т.д.).

Прагматическая оценка лежит и в основе имен, обозначающих лес по различным характеризующим признакам, например, возрастному (маркирование с помощью словообразовательных средств в диалектах именно молодого, а не старого леса связано, как представляется, с его непригодностью для строительства домов, мостов, лодок и других сколь-либо значительных хозяйственных целей) или витальному (словообразовательные средства подключаются, как правило, для образования названий, обозначающих больной лес, не имеющий, естественно, хозяйственного значения).

Сходная картина наблюдается и в названиях плодовых деревьев, которые в большинстве своем представлены производными именами. Ситуация, однако,

меняется, когда подключаются утилитарные моменты, а именно, когда необходимо обозначить не просто плодовое дерево, а его конкретный вид (признак, который, как известно, имеет большое значение в садоводстве), а также время или срок созревания его плодов, когда требуется указать на несоответствие дерева норме, в частности, обозначить выродившееся плодовое дерево (ср. *вишняга* Свердлов., СРНГ, 4: 311; *засадиха* Смол., СРНГ, 11: 18; *костянка* Калуж., СРНГ, 15: 90; 'дикая вишня'; *дикарка* Новг., Ворон., СРНГ, 8: 55; *кислица* Курск., Южн., Ворон., Кубан., СРНГ, 13: 231; *лесовуха* Моск., СРНГ, 17: 11 'дикая яблоня').

Думается, что именно этой прагматической установкой определяется и активное использование словообразовательных средств в видовых названиях ботвы различных огородных растений (ср., например, названия **ботвы картофеля**: *бульбетник* Свердлов., *бульбовник* Пск., Смол., СРНГ, 3: 274; *картовина* Ср. Урал; *картовник* Перм., Ср. Урал., Волог., Калинин., СРНГ, 13: 100–101; *картофелина* Свердлов.; *картофельник* Смол., Челябин., Свердлов., Латв.; *картофище* Свердлов.; *картофляник* Литв., Латв., Свердлов., Пск., Смол., СРНГ, 13: 103–104; *картошечник* Новосибир., Моск.; *картошник* Калуж., Брян., Ворон., Курск., Южн. Урал СРНГ, 13: 105–106; **ботвы моркови**: *борканник* Пск., Твер., Латв., Литв.; *борканница* Новг., Пск., Твер., СРНГ, 3: 100; *морковник* Ряз.; *морковница* Волог., СРНГ, 18: 265–266; **ботвы свеклы**: *бурачник* Смол.; *бурачнице* Великолукск., СРНГ, 3: 281–282; *свекловичник*, *свекольник* Даль без указ. места, IV: 146; **ботвы брюквы**: *брюквошник* Зап.; *брюковница* Волог., СРНГ, 3: 222), идущей, как известно, на корм скоту (ср. *бульбовник* 'ботва картофеля': "бульбовником кормят коров", Пск., Смол., СРНГ, 3: 274).

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство: когнитивная модель семантической сферы "Растительный мир" покоится на фундаменте зрительного восприятия, что вполне согласуется с современными психологическими теориями, согласно которым "свыше 80% всех сенсорных данных приходится на органы зрения: процесс восприятия и обработки зрительной информации человеческим мозгом связан с функционированием двух модулей зрительной перцепции – один обеспечивает восприятие предметов, другой – восприятие мест" [Кравченко 1997: 41], а точнее, – восприятие пространственной локализации этих предметов. Вместе с тем, наряду с зрительным, здесь широко представлены и другие виды ощущений – вкусовые, осязательные, обонятельные, органические, что отличает когнитивную модель этой сферы от других семантических сфер русского макрокосма.

По-иному строится когнитивная модель семантической сферы "Животный мир". Прежде всего следует отметить, что здесь значительно ярче выражена когнитивно-прагматическая ориентированность словообразования, особенно при обозначении домашних животных и птиц.

Обращает на себя внимание и разнонаправленность признаков, объективируемых в акте словообразования, в названиях животных и растений. Специфика форм существования животных повлияла, в частности, на выбор таких маркируемых признаков, как характер издаваемых звуков, особенности поведения, способ добывания пищи и ее вид, способ обитания и т.д., которых нет в названиях растений.

Расхождения прослеживаются и в дистрибуции аффективных оценок природной среды: если в семантической сфере "Растительный мир" преобладающими среди сенсорных оценок являются такие, которые покоятся на зрении (что позволяет говорить о символической изобразительности производного слова), то в семантической сфере "Животный мир" на первый план выходят не столько визуальные, сколько акустические оценки (особенно в названиях птиц и насекомых, где ярко выражена звуковая изобразительность слова). Все остальные виды аффективных оценок либо находятся на периферии (например, вкусовые оценки, которые представлены в основном в названиях рыб, ср. *горчанка* 'горчак *Rhodeus amarus* Bl.' Юго-Зап., СРНГ, 7: 74; *горькуша* 'мелкая плотва *Neusciscus rutilus*' Пск., СРНГ, 7: 80), либо практически отсутствуют, ср. например, единичные осязательные (*гладуш* 'змея' Калуж., Брян.,

Смол., Курск., СРНГ, 6: 181; *маслюк* 'улитка с раковиной' ЛАРНГ) или обонятельные (*вонючка* 'жужелица' Дон, СРНГ, 5: 94) оценки.

Что касается оценок-когнитивов, то здесь представлены в основном **рационалистические** оценки (ср., например, пространственные оценки, в которых актуализируется сема "место"; характерные в основном для диких животных и птиц: *береговик* 'курик-перевозчик' СРНГ без указ. места, 2: 245; *дуплюшка* 'белка, живущая в дупле' Перм., СРНГ, 8: 262; или функциональные, распространенные главным образом в номинативном участке "домашние животные", где они указывают на назначение домашнего животного (ср. *водовозница* 'лошадь, на которой возят воду' Арх., СРНГ, 4: 341; *волкорез* 'волкодав' Пск., СРНГ, 5: 42) или птицы (*паруха* 'курица, которая высиживает цыплят' Вят., Волог., Новг., Петерб., Пск., Твер., Моск., Перм., Урал., Новосибир., Амур., СРНГ, 25: 246) и т.д.

В то же время небезынтересно отметить, что в семантической сфере "Животный мир" прослеживается та же типологическая закономерность, что и в семантической сфере "Растительный мир", а именно: словообразовательное маркирование получает прежде всего "чужое". Именно этим, по-видимому, объясняется тот факт, что родовые названия домашних животных представлены в основном производными именами, тогда как в названиях диких животных, особенно причиняющих вред человеку, словообразовательные средства используются довольно активно (ср., например, названия медведя или волка, нападающих на домашний скот: *кобылятник* 'волк, нападающий на лошадей' Смол., СРНГ, 14: 22; *коныатник* 'медведь, нападающий на крупный скот' Смол., СРНГ, 14: 279).

Если сравнить набор мотивационных признаков, актуализируемых в акте словообразования в названиях диких и домашних животных, то среди них можно выделить принципиально различные, говорящие о разных подходах к наименованию этих животных. В названиях домашних животных объективируются прежде всего такие признаки и свойства, которые имеют хозяйственно важное значение и являются аксиологически релевантными, а именно:

1) витальность:

– способность/неспособность к воспроизводству (ср. *заводчик* Южн., СРНГ, 9: 327; *оревина* Новг., СРНГ, 23: 334 'племенной бык'; *некладенец* Арх.; *некладок* Костром.; *некладыш* Калин., СРНГ, 21: 58; *нерез* Онеж., СРНГ, 21: 142; *нерезь* Казан., Орл., Ворон., СРНГ, 21: 142 'некастрированный самец' и *валух* 'кастрированный баран, бык' Калуж., Смол., Орл., Курск., Липец., Ворон., Казан., СРНГ, 4: 31; *кладень* 'кастрированный самец домашнего животного' Том., Новосибир., Свердл., СРНГ, 13: 255; или *переходница* Киров., Нижегород., Костром., Влад., Волог., Яросл., Моск., Сиб., СРНГ, 26: 264); *недойка* Пск., Твер., Литв., СРНГ, 21: 21; *нетелица* Пск., Новг.; *нетелка* Волог., Олон., Арх., Новг., Яросл., Ленингр.; *нетелок* Смол.; *нетель* Олон., Калин., Ставроп., Урал., Новосибир., Иркут., СРНГ, 21: 173–174; *яловка* Сиб., Даль, IV: 676 'яловая корова');

– возраст животного, особенно при обозначении молодых животных как неспособных к воспроизводству (ср. *молодыш* 'молодое животное' Пск., Твер., СРНГ, 18: 230; *подростыш* 'молодое животное' Твер., Пск., СРНГ, 28: 161–162) с последующей конкретизацией по видам: *бычишка* 'молодой бык' Том., СРНГ, 3: 357; *жеребка* 'молодая лошадь' Смол., СРНГ, 9: 136; *молодяга* 'молодая лошадь' Арх., СРНГ, 18: 230; *поросук* 'молодая свинья' СРНГ без указ. места, 30: 80; *ягница* 'молодая овца' Ворон., Тамб., Даль, IV: 672). Этот признак является настолько существенным, что словообразовательно маркируются даже различные возрастные периоды животного, в том числе и время его рождения (ср. *вешняг* 'ягненок, родившийся весной' Волог., СРНГ, 4: 225; *летник* 'домашнее животное, родившееся летом' Твер., Свердл., СРНГ, 17: 19; *осенник* 'домашнее животное осеннего приплода' Калин., Иркут., СРНГ, 23: 367; *годовик* 'годовалое животное' Перм., Яросл., Волог., Пск., Вят.,

Ворон., Том., СРНГ, 6: 271; *двоегодок* Арх., Пск.; *двоелеток* Арх., СРНГ, 7: 287 'жеребенок двух лет'). Об актуальности этого признака свидетельствует и тот факт, что он получает конкретизацию в названиях различных видов животных (ср. *первогодник* 'жеребенок по первому году' Горьк., СРНГ, 26: 9; *первотелок* 'теленка на первом году' Калинин., Киров., Волог., СРНГ, 26: 14; *зубняк* 'теленка на втором году' Урал., СРНГ, 11: 361; *мякинник* 'теленка на втором году' Ярослав., Вят., СРНГ, 19: 78; *подсвинок* 'годовалый поросенок' Курск., СРНГ, 28: 174; *стригун* 'жеребенок на первом году' Тамб., Даль, IV: 340). Интересно, что в названиях котят или щенят этот признак не актуализируется, что является еще одним, хотя и косвенным, доказательством прагматической ориентации словообразования;

– сила, выносливость животного, в основном в названиях лошадей (ср. *доброха* ЛАРНГ; *доброход* 'сильная, быстроходная лошадь' Казан., СРНГ, 8: 79; *заскорузник* СРНГ без указ. места, 11: 37; *изморыш* Кемер., СРНГ, 12: 150; *недокормок* Пск., СРНГ, 21: 22 'заморенное животное'; *кожевина* Ярослав., СРНГ, 14: 51; *кожурина* Пск., СРНГ, 8: 53; *одирок* Ярослав., СРНГ, 23: 33; *охлябина* Ленингр., СРНГ, 23: 33 'худая заморенная лошадь'; *падер* Влад., Орл., Смол., Урал., Калуж., СРНГ, 25: 127; *падерина* Смол.; *падина* Арх., СРНГ, 25: 129–130 'плохая, старая лошадь'; *плохышка* 'хилое, болезненное домашнее животное' СРНГ без указ. места, 27: 159);

2) функциональное назначение животного или птицы (ср. *волкорез* 'волкодав' Пск., СРНГ, 5: 42; *гонка* 'гончая' Калуж., СРНГ, 7: 7; *лосятница* 'собака, с которой охотятся на лося' СРНГ, 17: 155; *паруха* 'курица, которая высидивает цыплят' Вят., Волог., Новг., Петерб., Пск., Твер., Моск., Перм., Урал., Новосиб., Амур., СРНГ, 25: 246; *детинуха* 'курица, которая водит цыплят' Пск., Смол., Ср. Урал, СРНГ, 8: 30 и т.д.);

3) утилитарность, полезность животного: этот признак реализуется в основном в названиях, указывающих на дойность коровы (ср. *доёна* Костром., Калинин.; *доенка* Волог., Дон.; *доёха* Арх., СРНГ, 8: 90–91; *дойка* Твер., СРНГ, 8: 95 'дойная корова'; ср. обратный признак *безмолочница* Арх., Перм., СРНГ, 2: 193; *издойка* Сталингр., СРНГ, 12: 130; *недоена* Костром., СРНГ, 21: 20; *поддоек* 'корова, которая перед отелом дает мало молока' Калинин., СРНГ, 27: 391) или носкость курицы (ср. *кладуха* 'курица, несущая много яиц' Новг., Пск., Арх., СРНГ, 13: 260; *несучка* 'курица, несущая много яиц' Саратов., Пск., Смол., Нижегород., Казан., Урал, СРНГ, 21: 169), причем актуализируется, как правило, позитивная оценка.

Все другие аксиологически значимые признаки находятся на периферии этой семантической сферы, в связи с чем они маркируются значительно реже (ср., например, такие признаки, как поведение животного или способ передвижения в пространстве, которые в названиях диких животных находятся среди основных).

В названиях же д и к и х животных объективируются признаки, указывающие на:

1) место обитания (ср. *боровик* 'бурый медведь' Свердлов., СРНГ, 3: 104; *дуплюшка* 'белка, живущая в дупле' Перм., СРНГ, 8: 262; *землюшник* 'крот' Пск., СРНГ, 11: 256; *полевица* 'полевая мышь' Пск., Твер., СРНГ, 29: 47; *поречна* 'выдра' Иркут., Урал. // 'норка' Урал., СРНГ, 30: 58);

2) способ существования животного (ср. *бродень* 'медведь, который не спит в берлоге' Иркут., Якут., СРНГ, 3: 185; *землеройка* 'крот' Ворон., Ряз., СРНГ, 11: 256);

3) поведение животного или способ передвижения в пространстве (ср. *валун* 'большой медведь' ЛАРНГ; *выторопень* 'заяц' Смол., Орл., СРНГ, 6: 41; *пестун* 'медведь' Иркут., Камч., Арх., СРНГ, 26: 322; *полетуха* 'белка-летяга' СРНГ без указ. места, 29: 64; *сеноставец* 'род мыши или земляного зайчика, который ставит на зиму копейки отборного сена' Перм., Сиб., Даль, IV: 380);

4) особенности его шкуры (ср. *космач* 'медведь' ЛАРНГ; *мохнашка* 'соболь с густой, пушистой шерстью' Камч., СРНГ, 18: 310), в том числе ее окраса (ср. *беляйка*

‘заяц-беляк’ Олон., СРНГ, 2: 239; *белогузка* ‘дикая коза’ СРНГ, Сиб., СРНГ, 2: 219; *белодушка* ‘белка с белой грудкой’ Енис., СРНГ, 2: 219; *краснохвостка* ‘белка с рыжевато-красным хвостом’ Арх., СРНГ, 15: 186; *краснушка* ‘рыжая лиса’ Ср. Урал, СРНГ, 15: 188), в названиях же домашних животных этот признак реализуется в основном в их кличках (ср. *Гнедко*, *Буланчик*, *Сивка*, *Белка*);

5) особенности какой-либо части тела (ср. *ушан* Пск., *ушкан* Арх., Сиб., Оренб., Даль, IV: 526 ‘заяц’; *хвостуха* ‘лиса’ Даль без указ. места, IV: 547);

6) вид потребляемой пищи (ср. *муравейник* ‘небольшой медведь, который ест муравьев’ Смол., Пск., Твер., Перм., Новг., СРНГ, 18: 348; *овсяник* ‘заяц, истребляющий овес’ Север., СРНГ, 33: 303; *коневник* ‘медведь, нападающий на лошадей’ Смол., СРНГ, 14: 279; *куроедка* ‘хорь’ ЛАРНГ; *овчарник* Смол., Ворон.; *овчатник* Смол. СРНГ, 22: 306–307 ‘волк, нападающий на овец’ и т.д.);

7) иногда запах животного (ср. *бздюх* ‘хорь’ Пск., Зап., Твер., Смол., СРНГ, 2: 288; *вонючка* ‘хорь’ ЛАРНГ).

Совершенно очевидно, что обе группы имен при всем их несомненном сходстве представляют собой разноаспектные номинации.

Разноаспектность проявляется и в характере оценок в сфере домашних и диких животных. Если среди названий диких животных ярче всего выражены оценочно-когнитивы, то в сфере домашних животных такую же важную роль играют оценочно-аффективы, связанные прежде всего со зрительным и слуховым восприятием домашних животных (особенно ярко это проявляется в кличках животных, а также в многочисленных производных, в основе которых лежат звукоподражательные или подзывные слова, ср. *красноха* ‘корова бурой масти’ Новг., Олон., СРНГ, 15: 186; *пеган* ‘пегий конь’ Амур., СРНГ, 25: 312; ср. клички лошадей *Гнедко*, *Пеганка*, *Серко* или коров *Белоха*, *Бурена*, *Чернуха*; ср. также названия овец, в основе которых лежат подзывные слова *барька* Свердл., СРНГ, 2: 126; *бырка* Ворон., Дон., Курск., СРНГ, 3: 347; *бляшка* Волог., Новг., Влад., Калуж., Ряз., Курск., Тул., Сиб., СРНГ, 3: 360; *маська* Вят., Перм., Ср. Урал, Курган., Заурал., СРНГ, 18: 19, а также слова, которыми подзывают овец: *барь-барь*, *быр-быр*, *бляша-бляша*, *мась-мась* и др.).

В целом следует отметить, что среди множества признаков, актуализируемых в этой семантической сфере, ведущими являются два – **качественно-характеризующий** (ср. *кедровка* ‘белка’ Урал, Том., СРНГ, 13: 174; *огнянка* ‘лиса’ СРНГ без указ. места, 22: 331; *поганка* ‘мышь’ Пск., СРНГ, 27: 287; *сиводушка* ‘сибирская порода красной лисы’ Сиб., Даль, IV: 181; *гладуха* ‘упитанная корова’ Сев.-Двин., СРНГ, 6: 181; *кожанка* ‘худая заморенная лошадь’ Пск, СРНГ, 14: 50; *молодыга* ‘молодая лошадь’ Арх., СРНГ, 18: 230) и **акциональный** (ср. *бурелом* ‘самый большой медведь’ Смол., СРНГ, 3: 285; *бодун* ‘бодливый бык’ Иван., Барнаул., Влад., Свердл., Тюмен., Ленингр., СРНГ, 3: 58; *кусунья* ‘собака, которая часто кусается’ Свердл., СРНГ, 16: 163; *переходница* ‘яловая корова’ Вост., Том., Кемер., Амур., Вят., Перм., Влад., Волог., Арх., СРНГ, 26: 264). Интересно, что среди названий животного мира так же, как и среди названий растительного, одним из ведущих признаков является акциональный, что связано, как представляется, с отражением древних анимистических воззрений русского народа на природу.

Третьей по степени открытости для словообразования является семантическая сфера “Земля”, в которой прежде всего выделяется семантический участок, связанный с обозначением *р е л ь е ф а*. В оценке среды на первый план выходит когнитивный элемент. Словообразовательные средства используются в основном в целях объективации главного противопоставления “верх” – “низ”. Огромное количество производных, связанных с обозначением низменных, ровных участков поверхности земли (равнин, долин, низменностей, полян, опушек), свидетельствует о том, что в языковой картине мира русского народа центральное место в этом противопоставлении занимают имена, в семантической структуре которых имеется компонент ‘низкий’. Каждый

из членов этого семантического ряда обладает, как правило, расчлененным семантическим пространством, в котором с помощью словообразовательных средств актуализируются разные дифференциальные признаки, сошлюсь, например, на названия лугов, классификация которых отличается от соответствующей литературной своей дробностью и детализированностью, ср.: 'прибрежный луг': *набережье* Арх., Беломор., СРНГ, 25: 107; 'сенокосный луг': *лужавина* Костром., СРНГ, 17: 181; 'заливной луг': *поливо* Ярослав., СРНГ, 29: 70; 'низменный луг': *понижье* Костром., СРНГ, 29: 260; 'заболоченный луг': *луговина* Пск., Калинин., СРНГ, 17: 175; 'небольшой луг около усадьбы': *одворица* Киров., СРНГ, 23: 7; 'небольшой луг, переходящий в болото': *подболотица* Ярослав., Моск., СРНГ, 27: 341; 'скошенный луг': *косьба* Ярослав., СРНГ, 15: 95 и т.д.

При этом в семантической сфере "Земля" действуют те же закономерности в использовании словообразовательных средств, что и в других семантических сферах: словообразовательно маркируется, как правило, то, что вовлекается в сферу познавательной и практической деятельности человека, что является для него жизненно важным. Причем на первый план в этом структурировании окружающего пространства выходит гносеологический аспект оценки, т.е. ведущими здесь являются оценки-когнитивы, что касается сенсорных оценок, то они лишь изредка встречаются в названиях воды, дна реки или почвы (ср. оценки, покоящиеся на **зрении**: *белик* 'мало-плодородная почва' Свердлов., СРНГ, 2: 213; *красник* 'глинистая почва' Свердлов., СРНГ, 15: 175; *мутница* 'мутная вода в реке, обычно во время половодья' Сев.-Двин., Арх., Белозер., СРНГ, 19: 28; **осязании**: *вязель* 'вязкое дно озера' Калинин., СРНГ, 6: 73; *мякота* 'чернозем' ЛАРНГ; и **вкус**: *солоница* 'река с соленой, горькой водой' Даль без указ. места, IV: 268).

Интересно, что в этой семантической сфере словообразовательно маркируются прежде всего ценности отрицательного порядка, хотя негативность оценки часто выражена имплицитно. Так, в частности, для русского языкового сознания важно обозначение не просто низменности, а низкого, сырого, заболоченного места (ср. *замочка* Волог., Свердлов., СРНГ, 10: 259; *затоп* Арх., СРНГ, 11: 99; *мокредь* Казан., Перм., Киров.; *мокредь* Перм.; *мокретина* Урал, СРНГ, 18: 208; *мокрина* Новг., СРНГ, 18: 209; *мочарина*, Новг., Пск., СРНГ, 18: 317; *сырина* Даль без указ. места, IV: 376). Отсюда такое разнообразие имен, связанных с обозначением **болота**. Кроме общего названия болота (ср. *водотопина* Калуж., СРНГ, 4: 347; *дрягва* Смол., Брян., Тул., СРНГ, 8: 227; *ляжка* Ср. Урал, СРНГ, 17: 270; *лывина* Арх., Костром., Краснояр., СРНГ, 17: 217; *топель*, *топлина* Даль без указ. места, IV: 416), в русских диалектах существует множество производных имен, с помощью которых это семантическое пространство детализируется и конкретизируется. Так, в частности, словообразовательные средства представлены в именах, обозначающих:

- степень заболоченности места (ср. названия вязкого, топкого болота: *вязель* Пск., Твер., Смол., Ленингр., Новг., Олон., Волог., СРНГ, 6: 73; *вязило* Ряз., СРНГ, 6: 74; *топелица* Пск., Даль, IV: 416), причем преимущественно сильно заболоченного места, трясины (ср. *засос* Твер., СРНГ, 11: 50; *зыбняк* Том., СРНГ, 12: 32; *качалище* Киров., СРНГ, 13: 141; *плавня* Пск., СРНГ, 27: 71; ср. также единичные названия с противоположным признаком *водожилина* 'слабо заболоченное место' Волог., СРНГ, 4: 341);

- проходимость, или скорее непроходимость болота (ср. *непроходь* СРНГ без указ. места, 21: 134; *бездонник*, *бездонница*, *бездонье* Арх., СРНГ, 2: 189; *дыбун* Арх., Печор., Кольск., Перм., Зауралье, СРНГ, 8: 290 'топкое непроходимое болото');

- наличие особо топких мест на болоте, ям (ср. *глазина* 'очень топкое место на болоте' Арх., СРНГ, 6: 187; *окнище* 'провал в болоте' Пск., СРНГ, 23: 130) или, наоборот, возвышенных, сухих мест (ср. *боровина* 'бугор среди болота' Ленингр., СРНГ, 3: 104; *боровинка* 'возвышенное, покрытое лесом место среди болота' Свердлов.,

СРНГ, 3: 105; *гривина* 'сухое место среди болота' Олон., СРНГ, 7: 144) и в частности, кочек (ср. *кочкари* 'болото, покрытое кочками' СРНГ без указ. места, 15: 133);

– наличие или отсутствие растительности на болоте: словообразовательные средства используются, как правило, для образования названий, обозначающих болото, покрытое растительностью (ср. *моховик* Киров., Свердл. СРНГ, 18: 311; *мошняк* Орл., СРНГ, 18: 325 'болото, поросшее мхом'; *ольшатник* Ворон.; *ольшняк* Ворон., Орл., СРНГ, 23: 193–194 'болото, поросшее ольхой'; ср. также единичные названия с противоположным значением: *голя* 'болото, лишенное растительности' Том., СРНГ, 6: 292).

Думается, что такое внимание к названиям болот, а также оврагов и стариц связано с прагматической ориентированностью русского словообразования: маркируется, как правило, то, что не имеет хозяйственной значимости в жизни человека, т.е. ценности отрицательного порядка.

Другой, не менее интересной и семантически расчлененной, группой имен является название реки. И хотя в диалектах (так же, как и в литературном языке) общее название реки представлено непроемким именем, не позволяющим без специального этимологического инструментария проникнуть в его семантическую структуру, однако при образовании характеризующих названий, когда происходит детализация, конкретизация общего названия реки, словообразовательные средства используются довольно активно.

Так, в частности, обращение к словообразовательным средствам происходит тогда, когда необходимо:

– дать общую характеристику реки, причем, как правило, реки **мелководной** (ср. *безрыбье* 'мелководная речка, не имеющая рыбы' Ворон., СРНГ, 2: 199; *вязовня* 'мелководная речка, которая то течет, то пропадает' Тул., СРНГ, 6: 76; *песчанка* 'небольшая мелеющая от наносного песка речка' Арх., СРНГ, 26: 324);

– отметить особенности в ее **течении**, в частности, когда необходимо указать на его **скорость**, особенно в названиях рек с быстрым течением (ср. *быстриха* 'о реке с быстрым течением' СРНГ без указ. места, 3: 350; *быструйка* 'река с быстрым течением' Олон., СРНГ, 3: 350; *покать* 'бурное, стремительное течение реки' Сиб., Якут., СРНГ, 28: 374), **направление** течения (ср. *верховица* Сев.-Двин.; *верховина*, *верховище* Сев., Сев.-Двин. СРНГ, 4: 163–164 'верхнее течение реки'; *понизовье* 'нижнее течение реки' ЛАРНГ; *водопор* 'встречное течение' Пск., СРНГ, 4: 345) или локализовать какое-либо **место в течении** реки (ср. названия места с быстрым течением: *быстрень* Пск., *быстредь* Том., Кемер., Тобол., Барнаул., Свердл., СРНГ, 3: 349; *водобежка* Пск., СРНГ, 4: 340; *стремнина* Даль без указ. места, IV: 338; или места с медленным течением: *затяжина* Терск., СРНГ, 11: 123; *глушни* Пск., СРНГ, 6: 219; *тиховодина* ЛАРНГ); указать на **заливы** (ср. *глушень* ЛАРНГ; *заводина* Орл., Брян., Пск., Влад., Твер., СРНГ, 9: 323; *отнога* Перм., Тобол., Том., Новосиб., СРНГ, 24: 249; *пазушь* Дон, СРНГ, 25: 151), **излучины** (ср. *завил* Ряз., СРНГ, 9: 315; *загибень* Арх., СРНГ, 9: 360);

– указать на **истоки** или **устье** реки (ср. *верховина* СРНГ без указ. места, 4: 163; *вершень* Сиб., СРНГ, 4: 172 'верховье реки'; *заход* Арх., Ср. Урал, СРНГ, 11: 156; *исток* Том., СРНГ, 12: 257 'устье реки'), на наличие **притока** (ср. *отвилок* Новосиб., СРНГ, 24: 137; *побочень* Урал, СРНГ, 27: 202), на место слияния двух рек (ср. *подкружье* Арх., СРНГ, 28: 49; *разречье* Даль без указ. места, IV: 45 – этот признак, по наблюдениям этнографов и этнолингвистов (Д.К. Зеленин, Н.И. Толстой), в народном сознании маркируется как положительный, в отличие от противоположного ему признака – раздвоения реки, ср. *забока* СРНГ, 19: 264; *изголовь* Свердл., СРНГ, 12: 119; *отпадок* Сиб., СРНГ, 24: 265, который воспринимается как отрицательный);

– охарактеризовать **глубину** реки: здесь, кроме общего названия глубины (ср. *глубина* Яросл., Новг., Твер., СРНГ, 6: 205; *глуботина* Волог., Вят., СРНГ, 6: 207), существует и множество детализирующих имен (ср. *глубжина* Яросл., СРНГ, 6: 205;

заглуба Костром., СРНГ, 10: 6 'самое глубокое место в водоеме'; *мелководок* 'мелкое место в реке, озере' Пск., Твер., СРНГ, 18: 99), при этом маркируется прежде всего глубокое место в реке, сулящее опасность для человека, о чем свидетельствует чрезвычайно расчлененное семантическое поле этих имен (ср. *бучало* 'глубокое место в реке, образующееся от падающей сверху воды' Тул.; *бучило* 'глубокое место реки у обрывистого берега' Ворон., СРНГ, 3: 328–329; *завит* 'омут' Перм., СРНГ, 9: 319; *подзавал* 'глубокое место вблизи берега' Арх., СРНГ, 28: 12; *разнос* 'глубокое место с перекатами' Даль без указ. места, IV: 38), реже мелкое (ср. *меляк* 'мелкое место в реке, озере' Кубан., Астрах., Волж., Нижегород., СРНГ, 18: 106; *мелководица* 'мелкое место, брод' Пск., Твер., СРНГ, 18: 99);

– указать на имеющиеся в реке **пороги** (ср. *взводень* Арх., СРНГ, 4: 250; *падун* Камч., Енис., Сиб., Арх., Олон., Новг., Север, СРНГ, 25: 136) или **водовороты** (ср. *завертень* Арх., СРНГ, 9: 304; *заводь* Вят., Арх., Том., Терск, СРНГ, 9: 327; *затягалка* Урал, СРНГ, 11: 121; *коловерть* Дон., СРНГ, 14: 150; *кружилка* Влад., СРНГ, 15: 310), **водопады** (*водопадь* СРНГ без указ. места, 4: 344; *падеж* Арх., СРНГ, 25: 127);

– дать характеристику **воды** в реке (ср. *мутница* 'мутная вода в реке, обычно во время половодья' Сев.-Двин., Арх., Белозер., СРНГ, 19: 28; *солоница* 'река с соленой, горькой водой' Даль без указ. места, IV: 268);

– ее **дна** (ср. *вязель* 'вязкое дно озера' Калин., СРНГ, 6: 73; *каменица* 'речка с каменистым ложем' Киров., СРНГ, 13: 25; *слабик* 'топкое, илистое дно реки' Арх., Даль, IV: 214);

– **русла**, особенно когда нужно обозначить старое русло реки (ср. *глушица* СРНГ без указ. места, 6: 219; *заводь* Арх., Беломор., СРНГ, 9: 327; *пескодок* Нижегород., СРНГ, 26: 303; *староруслина* Даль без указ. места, IV: 318; *староречье* ЛАРНГ; *старуха* Новг., Влад., *старица*, Ряз., Тул., Орл., Даль, IV: 317), реже новое (ср. *перебой* Ср. Урал, СРНГ, 26: 28; *перерва* Пск., Твер., СРНГ, 26: 205; *перемой* Пск., СРНГ, 26: 165); сужение или расширение русла (ср. *перебойка* 'самое узкое место в русле реки' Волга, Дон, СРНГ, 26: 29; *перемык* 'узкое место в реке между крутыми берегами' СРНГ без указ. места, 26: 169; *перемычка* 'узкое место реки, озера' Арх., СРНГ, 26: 170) и т.д.

Безынтесно в связи с этим отметить, что словообразовательные средства довольно активно используются и при образовании названий, связанных с обозначением **берега**, особенно крутого, возвышенного берега (ср. *завал* Беломор., Север., СРНГ, 9: 290; *крутец* Моск., Новг., Калин., Яросл., СРНГ, 15: 325; *крутоберег* Ряз., СРНГ, 15: 330; *лбище* Волж., Астрах., СРНГ, 16: 300; *материк* Арх., Беломор., Олон., Тобол., СРНГ, 18: 323; *надвес* Арх., СРНГ, 19: 224; *подкрутье* 'очень крутой берег реки' Ворон., СРНГ, 28: 49), реже – низкого, пологого (ср. *заберега* Вост. Сиб., СРНГ, 9: 252; *заплеск* Астрах., *заплесок* Арх. СРНГ, 10: 326; *низкоберег* Том., СРНГ, 21: 226; *побочень* Касп., СРНГ, 27: 202).

Эта, на первый взгляд, странная особенность, противоречащая общей номинативной тенденции имен, входящих в семантическую сферу "Земля", проявляющаяся во внимании преимущественно к 'низу', а не 'верху', снимается, как представляется, двумя обстоятельствами: во-первых, охранной функцией берега, тем более обрывистого, высокого, служившего нередко местом для строительства храма, а во-вторых, общей тенденцией русского словообразования маркировать прежде всего так называемые "отрицательные ценности", поскольку обрывистый берег воспринимался как опасность в пространственной ориентации человека, что является еще одним (хотя и косвенным) подтверждением аксиологической направленности русского словообразования.

Словообразовательно детерминированная лексика семантической сферы "Земля"

дает возможность взглянуть на ландшафт России сквозь призму народного сознания и тем самым проникнуть в глубинную основу традиционных представлений русского народа о своей земле. Целевое использование словообразовательных средств позволяет не только конкретизировать названия тех или иных природных объектов, но и определенным образом их классифицировать.

В этой группе имен, пожалуй, отчетливее всего прослеживается "давление" действительности на язык, которая стремится запечатлеть в нем свои черты [Арутюнова 1982: 11]. Даже не будучи знакомым с географией России, опираясь только на диалектный материал, можно превосходнейшим образом составить представление о ее ландшафте, ибо производная лексика, воссоздавая общепринятый стереотип восприятия поверхности земли, позволяет "прочитывать" природно-географические особенности ландшафта России (ср. устойчивую повторяемость и лексическое многообразие названий равнин, низин, оврагов, болот, рек и т.д.)⁶.

Среди множества признаков, актуализируемых в акте словообразования в этой семантической сфере, ведущими являются три – **качественно-характеризующий** (*гладца* 'равнина' Арх., СРНГ, 6: 180; *жидня* 'болотистое место' Ряз., СРНГ, 9: 170; *кругляк* 'овраг' Ворон., Дьякова, 1992: 56), **локативный** (ср. *забока* 'опушка леса' Енис., Краснояр., СРНГ, 9: 263; *подозерица* 'заболоченная приозерная равнина' Верх. Поволжье, СРНГ, 28: 112; *уречье* 'полоса земли у реки' Пск., Твер., Даль, IV: 510) и **акторный** (ср. *завал* 'овраг' Моск., СРНГ, 9: 91; *западь* 'низина' Костром., Вят., СРНГ, 10: 298; *поливо* 'заливной луг' Яросл., СРНГ, 29: 70), т.е. земля в зеркале производной лексики предстает, с одной стороны, как объект восприятия человеком, а с другой – как объект, испытывающий действие со стороны стихийных природных сил. Интересно в связи с этим отметить, что ни среди основных, ни среди периферийных нет признака, указывающего на протяженность географических объектов, для выражения которой используются морфологические, а не словообразовательные средства, и в частности, категория числа (ср. *луга*, *болота*, *равнины*), что также, хотя и косвенно, свидетельствует об аксиологической ориентированности русского словообразования.

По-иному структурируется семантическая сфера "Небо и небесные тела" – самая закрытая для словообразования сфера. Прежде всего бросается в глаза, что внимание русского человека обращено не столько к небу и небесным телам (этот семантический участок практически закрыт для словообразования), сколько к тем климатическим и атмосферным явлениям, которые определяют среду его обитания и связаны с его биологическим выживанием⁷. Именно этим, по-видимому, объясняется тот факт, что наиболее яркое словообразовательное выражение получили имена, входящие в номинативный участок "Атмосферные и климатические явления" и относящиеся к

⁶ Сошлюсь в связи с этим на интересные наблюдения социальных географов, связанные с психологической адаптацией русских переселенцев к природной среде Закавказья. «В новых географических условиях русские поселенцы, сохраняя свой традиционный хозяйственно-культурный комплекс, "прочитывали" окружающие природные ландшафты под углом возможности их использования в земледелии. При этом поселенцы стремились выбирать природные ареалы, не только пригодные для традиционных занятий, но и похожие на традиционные ландшафты, поэтому первоначально они селились на равнине (разрядка наша. – Т.В.), и только засуха и болезни заставили их подняться в горы. Этот культурный стереотип прежней природной среды в качестве своеобразного эталона сохраняется у представителей 6–8 поколений переселенцев» [Лебедева 1990: 104, 107].

⁷ Косвенным подтверждением этого положения могут служить и наблюдения над астроными в русских говорах. Прежде всего обращает на себя внимание довольно ограниченный круг этих имен, а также то, что в большинстве своем они представлены описательными конструкциями, что объясняется, конечно, не равнодушием наших предков к виду ночного неба (можно с уверенностью предположить, что и в ночном, когда стерегли стреноженных лошадей, и на покосах, когда косари вставали рано, дожидаясь утренней росы, небо оставалось единственной естественной картиной, которую можно было рассматривать бесконечно), а земледельческим характером их деятельности, которая не зависела в такой степени от расположения звезд на небе, как у путешественников или мореплавателей, которым небо всегда верно служило и надежными часами, и выверенными географическими картами.

миру "антиценностей" (плохая погода и сопровождающие ее дождь, снег, мороз, ветер и др.), что становится понятным, если рассматривать их с точки зрения ценностей биологического выживания: маркируется, как правило, то, что является не только аномальным, но и несет в себе угрозу для жизни (в том числе и для сельского хозяйства). Несмотря на то, что названия этих атмосферных явлений в большинстве русских диалектов представлены неприменимыми (с синхронной точки зрения) образованиями, привлечение словообразовательных средств позволяет детализировать их.

Так, в частности, в русских диалектах имеется огромное количество производных имен, свидетельствующих о сравнительно высокой расчлененности семантического пространства "дождь", при том, что общее название дождя в диалектах (так же, как и в литературном языке) представлено неприменимым с синхронной точки зрения именем (ср. единичные дериваты *мокренъ*, *негод* Орл., СМЛОГ: 79–80). Привлечение словообразовательных средств продиктовано необходимостью:

- указать на силу дождя, причем обращение к словообразовательным средствам происходит тогда, когда необходимо обозначить прежде всего **сильный дождь** (ср. *водопад* Орл., СМЛОГ: 69; *дожджака* Ворон., СРНГ, 8: 92, Орл., СМЛОГ: 71; *заливень* Пск., Твер., Арх., СРНГ, 10: 206; *литва* Влад., СРНГ, 17: 71) и значительно реже **небольшой, слабый дождь** (ср. *дождёк* Курск., Ворон., Калуж., Терск., Куйбыш.; *дождец* Пск., Смол.; *дождюк* Дон., СРНГ, 8: 91–92); ср. также названия мелкого *моросящего* дождя (ср. *бусенец* Волог., Перм., Вят., СРНГ, 3: 303; *бусенник* Перм.; *бусенок* Ср. Урал; *бусик* Арх.; *бусовец* Свердл.; *бусовик* Перм., Свердл.; *бусаек* Свердл., СРНГ, 3: 303–308; *моросейка* Твер., СРНГ, 18: 274; *моросуха* Олон., СРНГ, 18: 275; *оморось* Калин., СРНГ, 23: 204; *подсевок* Твер., Пск., СРНГ, 28: 176; *севень* Твер., Даль, IV: 378; *ситник* СМЛОГ: 85);

- его длительность, причем, как правило, при необходимости указать на длительный; **затяжной дождь** (ср. *дождовье* Арх., СРНГ, 8: 92; *обкладень* Орл., СМЛОГ: 81; *обложник* Арх., СРНГ, 22: 106; *окладник* Арх., СРНГ, 23: 121; *полива* Яросл., СРНГ, 29: 68) и значительно реже **кратковременный** (ср. *перевалка* Свердл., Курган., СРНГ, 26: 41; *перелетка* Пск., Кондратенко, 1994; *пугач* 'кратковременный дождь' Орл., СМЛОГ: 84), для этой цели чаще используются описательные конструкции (ср. *набегной дождь*, *проносной дождь* Кондратенко, 1994);

- направление (ср. *косохлест* 'сильный дождь, идущий наклонно' Орл., СМЛОГ: 76);

- действие, оказываемое дождем (ср. *листожной* 'осенний мелкий дождь' Иркут., СРНГ, 17: 67; *сечка* 'мелкий дождь, сопровождаемый сильным, резким ветром' Орл., СМЛОГ: 85) и в связи с этим его желательность / нежелательность в зависимости от последствий (ср. *парун* 'теплый дождь' Арх., СРНГ, 25: 244; *припарок* 'грибной дождь' Орл., СМЛОГ: 83; *погной* Арх., СРНГ, 27: 295, *сеножной* 'мелкий продолжительный дождь во время сенокоса' Влад., Поволж., Ладог.-Тихвин., Кондратенко, 1994, Орл., СМЛОГ: 84);

- его приуроченность к определенному времени года (ср. *весенник* 'весенний дождь' Брян., СРНГ, 4: 182);

- его прагматическую ценность, в частности при образовании названий, обозначающих чаще всего теплый *грибной дождь* (ср. *грибник* Костром., Пск., Твер.; *грибовик* Смол.; *грибовник* Костром., СРНГ, 7: 141–142; *обабочник* Арх., СРНГ, 21: 341; *огу-речник* Орл., СМЛОГ: 82);

- сопровождающие дождь осадки или атмосферные явления (ср. *громовик* 'дождь, сопровождаемый громом' Орл., СМЛОГ: 70; *дряння*, *дряпуха* Ряз., СРНГ, 8: 231; *мокринец* Ряз., СРНГ, 18: 209; *снежница* Пск., Кондратенко, 1994 'дождь со снегом') и т.д.

Такое разнообразие производных имен, связанных с обозначением дождя в русских диалектах, можно, пожалуй, сравнить с обозначением различных оттенков снега у

эскимосов, коричневого цвета у восточноафриканских охотников или с многочисленными названиями верблюдов у бедуинов.

Интересно, что отсутствие дождя (и как следствие этого засуха), феномен не менее значимый для русского языкового сознания, словообразовательно маркируется значительно реже, о чем свидетельствует не только нерасчлененность этого семантического участка, но и довольно ограниченный круг образований (ср. *недождь* Пск., Твер., СРНГ, 21: 20; *беждождь*, *бездождье*, *бездождица* Арх., СРНГ, 2: 187–188 'отсутствие дождя'; *вялка* Иркут., СРНГ, 6: 78; *жарынь* Ворон., Тул., СРНГ, 9: 85 'засуха'; *парун* 'зной, жара' Арх., Север., Волог., Свердл., Иркут., Краснояр., СРНГ, 25: 244).

Что касается обозначения собственно неба и небесных тел, то этот номинативный участок оказывается практически закрытым для словообразования (ср. единичные производные *небесье* 'небо, небесный свод' Арх., СРНГ, 20: 317; *зорька* 'звезда' Новг., Зап. Брян., СРНГ, 11: 343), что связано, по-видимому, с тем, что в большинстве своем эта группа имен является, по своей сути, скорее идентифицирующей, нежели характеризующей, в связи с чем словообразовательные средства используются здесь довольно вяло.

Ситуация, однако, меняется, когда подключаются оценочные (характеризующие и прагматические) моменты, имеющие значение в жизни человека. Использование словообразовательных средств наблюдается, в частности, тогда, когда нужно обозначить не просто небо, а *пасмурное небо* (ср. *наволоок* Симб., Ряз., Моск., Урал, Краснояр., Арх., СРНГ, 19: 180; *обложник* Арх., Олон., СРНГ, 22: 106), не просто облако, а *дождевое облако* (ср. *водолей* Помор., СРНГ, 4: 343; Орл., СМЛОГ: 60), не просто тучу, а *грозовую* (ср. *плавина* Волог., СРНГ, 27: 67) или *градовую* тучу (ср. *градобойница* Урал., Даль, I: 389; *градовица* 'туча, несущая град' Влад., Поволж., ЛАРНГ), не просто луну, а ее *фазы* (ср. *ветошь* 'последняя фаза луны, луна на ущербе' Арх., СРНГ, 4: 199; *молодок* 'молодой месяц' Влад., СРНГ, 18: 227; *подновок* 'луна в первой четверти' Пск., Твер., СРНГ, 28: 101), не просто звезду, а ее определенный *вид* (ср. названия созвездия Большой Медведицы: *возница* Курск., СРНГ, 5: 27; *звездожар* Калуж., СРНГ, 11: 212; *колесница* Петерб., Твер., Орл., Смол., СРНГ, 14: 128; *корец* Курск.; *коромыслица* Орл., СРНГ, 14: 363), *время появления* на небе (ср. *вечерница* 'вечерняя звезда Венера' СРНГ без указ. места, 4: 215; *полночница* 'звезда, восходящая в полночь' Урал, СРНГ, 29: 156), а также *количество* (как правило, нерасчлененное множество, ср. *звездач* 'множество звезд на небе' Том., СРНГ, 11: 212) и т.д.

В целом, однако, этот семантический блок имен как в количественном, так и в качественном выражении (с точки зрения своей семантической расчлененности) значительно уступает тематической группе "Атмосферные и климатические явления", что является еще одним свидетельством наличия приоритетов в языковом сознании русского народа, который с помощью словообразовательных средств выделяет наиболее значимые участки языковой картины мира.

Интересно, что в отличие от всех остальных семантических сфер языка, ведущим мотивационным признаком здесь является *акциональный* (чего не наблюдается ни в одной другой семантической сфере, связанной с обозначением природы, ср. *поливень* 'сильный дождь' Яросл., Смол., СРНГ, 29: 70; *лепун* 'мокрый, падающий хлопьями снег' Сев.-Двин., СРНГ, 16: 366; *заметьга* 'сильная метель' Ворон., СРНГ, 10: 245; *пекун* 'сильный мороз' Смол., СРНГ, 25: 320), т.е. предметом объективации является действие, а не субъект, каузирующий его. При этом производитель действия не называется, а мыслится как неопределенный. Это особенно хорошо видно, если попытаться представить производное слово в виде предложения, т.е., используя метафору П.А. Флоренского, уподоблявшего слово "свишемуса в комок предложению", попробовать "развить" этот клубок. Интересно, что в этом случае мы получим безличную синтаксическую конструкцию (ср. *дождёк* и *дождит*, *дуйка* и *дует*, *обложник* и *обложило*, *моросуха* и *моросит*, *парун* и *парит*, *пекун* и *печет*, *порошуха* и *порошит*,

морозина и морозит, холодильник и холодает, свежун и свежее и т.д.). По наблюдениям синтаксистов, "сама система грамматических форм безличных предложений формирует значение производителя действия как высшую стихийную, неопознанную силу, которая приобретает в структуре предложения характер неопределенности, неконкретности" [Монина 1995: 91]. Объективация действия этого агенса и представлена в производных именах.

Что касается оценок, то здесь, в отличие от всех остальных семантических сфер языка, наряду с оценками-когнитивами (ср., например, названия различных звезд: *ко-сари* 'одно из созвездий Млечного пути' Тул., СРНГ, 15: 45; или фаз луны: *серпок* 'молодой месяц после новолуния' Пск., Денисенко, 1994: 35), широко представлены аффективные оценки, покоящиеся прежде всего на температурных ощущениях человека (ср., например, названия погоды: *теплота* 'теплая погода' Орл., СМЛОГ: 23; *холодуха* 'холодная погода' Даль без указ. места, IV: 558; или ветра *свежун* 'холодный ветер' Арх., Даль, IV: 156), тогда как все остальные виды оценок находятся на периферии (ср., например, зрительные оценки в названии молнии: *блискавка* Смол., Новорос., СРНГ, 3: 26; или акустические в названии мороза: *трескун* Тамб., Опыт, 1852: 232).

Если исходить из того, что любое явление, оцениваемое как хорошее или плохое (полезное или вредное), является ценностью, то выбор данных природных явлений в качестве объекта словообразовательного маркирования не может не свидетельствовать об их значимости для русского языкового сознания.

Если же подойти к этим явлениям с позиций категорий *добра* и *зла*, то следует признать, что в русском языковом сознании они предстают как источник зла (т.е. угрозы существованию), а в языковой (а точнее словообразовательной) реакции проявляется одна из ценностных ориентаций русского народа, точкой отсчета которого в духовном освоении мира выступали прежде всего ценностные противоположности – добра и зла, небесного и земного. Попутно отметим, что здесь, возможно, отразилась бинарная система мировосприятия русского народа, на которую указывал Н.И. Толстой, – христианская и языческая: "одна из них обращена к небу, божественному началу, другая – к земле, к плодам земным, к их изобилию, зависящему, по древним представлениям, не только от человека и Бога, но и от сил сверхъестественных" [Толстой 1996: 157].

В пределах ограниченного объема статьи невозможно представить весь материал. Однако даже этот эскизный фрагмент семантической сферы "Вселенная" свидетельствует о том, что при репрезентации языковой картины мира словообразовательные средства используются весьма избирательно. Включение их в акт номинации определяется, несомненно, таким обстоятельством, как тип ономаσιологической категории и ее утилитарный статус. С этим, по-видимому, связана таксономическая глубина, степень детализации номинативных участков той или иной семантической сферы, а также степень открытости для актов словообразования. Утилитарный статус естественных классов рождает и новый вид таксономии, как бы навязываемой природе человеком, учитывающей интересы человека и его реакцию на внешние раздражители [Арутюнова 1988: 55].

Это положение прекрасно иллюстрирует факт избирательного использования в номинативном означивании различных сфер русского макрокосма таких фундаментальных определителей бытия, как время и пространство. Анализ диалектного материала выявил, в частности, их расчлененное восприятие в семантических сферах, связанных с миром "дикой" и "освоенной" природы:

– пространственное восприятие связано в основном с миром "дикой" природы, когда более существенным является пространственная локализация реалии, например, *место* произрастания леса (ср. *гривняк* 'лес, растущий на высоком месте' Север, СРНГ, 7: 145; *поречник* 'лес, растущий по берегам рек' Забайкал., СРНГ, 30: 58), деревья (*борина* СРНГ без указ. места, 3: 99; *боровуша* 'сосна, растущая в бору' Смол., СРНГ, 3:

108), травы (*попутник* 'подорожник' Волог., Арх., Ср. Урал, Приобье, СРНГ, 30: 20; *поречь* 'трава (осока, резуха, очерет) по болотистым или песчаным берегам реки' Арх., СРНГ, 30: 58), ягоды (*боровика* 'брусника' Ряз., Арх., СРНГ, 3: 104; *поземка* 'земляника' Юго-Зап., Пск., СРНГ, 28: 332), гриба (*поддубенник* 'боровик' Калуж., СРНГ, 27: 396; *попутай* 'груздь' Моск., СРНГ, 30: 21) и т.д.;

– временное восприятие – с миром "второй" природы, освоенной или созданной человеком, когда чаще требуется обозначить не 'где', а 'когда', т.е. более существенным является темпоральный признак (например, *время* вспашки или засева поля: *осенина* 'поле, вспаханное осенью' Амур., СРНГ, 23: 366; время посева растений промышленного значения: *весновка* 'яровой хлеб' Том., Кемер., СРНГ, 4: 185; *зимка* 'озимый хлеб' Латв., СРНГ, 11: 272; время (и срок) созревания сельскохозяйственных культур: *зимница* 'груша, плоды которой созревают поздней осенью' Брян., СРНГ, 11: 276; *озимовка* 'поздно созревающие овощи' Курск., Ворон., СРНГ, 23: 94; *сорокодневка* 'сорт картофеля' ЛАРНГ – подробнее см. [Вендина 1998б]).

Следует отметить также, что несмотря на разнообразие мотивационных критериев и оценок, используемых в словообразовательной детерминации аксиологически значимых объектов реальности, бросается в глаза повышенное внимание, с одной стороны, к ценностям прагматического характера (словообразовательно маркируется прежде всего оценка "важно", поскольку мир ценностей для человека это в основном мир его практической деятельности), а с другой – к антиценностям, т.е. к явлениям аномальным, воспринимаемым человеком как отрицательным (ср., например, словообразовательное маркирование плохой, а не хорошей погоды, больного, а не здорового леса, болот и оврагов как мест непригодных для сельскохозяйственного использования). Этот ценностно-когнитивный подход к освоению окружающего мира (эксплицируемый в производном слове) обусловлен существованием биологических потребностей человека, удовлетворение которых необходимо для сохранения его жизни.

Что касается инвентаря аксиологических оценок, объективируемых в акте словообразования, то в семантической сфере русского макрокосма их сравнительно немного, причем ведущими среди них являются оценки-когнитивы, а именно рационалистические оценки, позволяющие человеку передать свои знания и опыт в освоении мира. Они представлены в каждой из рассмотренных семантических сфер. Это преобладание когнитивных оценок является яркой иллюстрацией творческого восприятия реальности, наблюдательности русского народа, чей опыт и знания нашли свое выражение в производном слове.

Изучение словообразования в его погруженности в жизнь позволяет таким образом осуществить квантирование восприятия окружающего мира, поскольку производное слово является, по сути дела, маленькой моделью представления знания о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком. При таком подходе к словообразованию оно предстает как логически оправданный акт словотворчества, позволяющий проникнуть в глубь человеческого осознания, в тайны народного духа, в сложный процесс постижения и освоения мира природы. В словообразовательно маркированных единицах языка прочитывается богатейшая информация о системе ценностей русского народа, раскрываются особенности его мировидения, мироощущения и мировосприятия. Эта информация является своеобразным ориентиром в сложном и многоликом мире природы. Поскольку любой язык стремится не только к объективации миропонимания народа, но и консервации его духовно-практической деятельности, словообразовательно детерминированная лексика дает возможность проникнуть в механизм сложного процесса познания и интерпретации мира человеком и осознать язык в его глубинной сути. А если учесть, что лексический уровень языка более всего подвержен "давлению действительности", то он, следовательно, ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира, позволяя увидеть реальную классификацию человеческого опыта, так сказать, "субъективную реальность" того или иного народа.

- Абаев В.И. 1948 – Язык и мышление. М., 1948.
- Арутюнова Н.Д. 1982 – Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. М., 1984.
- Арутюнова Н.Д. 1988 – Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Васильченко С.М. 1996 – Формально-семантические связи русского имени существительного в семасиологическом и ономаσιологическом аспектах. Орел, 1996.
- Вендина Т.И. 1996 – Лексический атлас русских народных говоров и лингвистическая гносеология // ВЯ. 1996. № 1.
- Вендина Т.И. 1997 – Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 4.
- Вендина Т.И. 1998 а – Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998.
- Вендина Т.И. 1998 б – Пространство и время как параметры дискретизации макрокосма // Сб. Славянские этюды (в печати).
- Гумилев Л.В. 1992 – От Руси к России. М., 1992.
- Гуревич А.Я. 1984 – Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Даль В.И. – Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV, М., 1978–1980.
- Дейк Т.А. 1989 – Язык. Познание. Коммуникация (пер. с англ.). М., 1989.
- Денисенко Ю.Ф. 1994 – Наименование фаз луны и темпоральных понятий на их основе в восточнославянских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1994. СПб., 1996.
- Дмитровская М.А. 1988 – Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988.
- Дьякова В.И., Хитрова В.И. 1992 – Воронежская географическая лексика в ареальном аспекте // Проблемы русской лингвистической географии. СПб., 1992.
- Ивин А.А. 1971 – Основание логики оценок. М., 1971.
- Ключевский В.О. 1987 – Курс русской истории // Соч. Т. 1. М., 1987.
- Кондратенко М.М. 1994 – Лексика народной метеорологии в славянских языках. Л., 1994.
- Коновалова Н.И. 1993 – Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте. М., 1993.
- Кравченко А.В. 1997 – Восприятие и категоризация // Языковая категоризация. М., 1997.
- Кубрякова Е.С. 1993 – Возвращаясь к определению знака. Памяти Р. Якобсона // ВЯ. 1993. № 4.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. Программа. Ч. 1–2. СПб., 1994.
- Лебедева Н.М. 1990 – Эмпирическое исследование психологической адаптации этнической группы к иной природной среде // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1990.
- Монина Т.С. 1995 – Проблема тождества предложения. М., 1995.
- СМЛОГ – Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орел, 1996.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–31. М.; Л., 1965–1997.
- Толстой Н.И. 1996 – Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Фабело Х. 1984 – Оценка и познание // Вестник МГУ. Сер. 7. 1984. № 1.
- Флоренский П.А. 1989 – "Термины" // ВЯ. 1989. № 1.
- Флоренский П.А. 1990 – Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Соч. Т. 2. М., 1990.
- ФЭС 1997 – Философский энциклопедический словарь. М., 1997.
- Ценности и символы 1994 – Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
- Hallig R., Wartburg W. 1963 – Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. Versuch eines Ordnungsschemas. Berlin, 1963.
- Puzynina J. 1982 – Językoznawstwo a aksjologia. Warszawa, 1982.
- Puzynina J. 1992 – Język wartości. Warszawa, 1992.
- Rokeyach H. 1973 – The nature of human values. N.-Y.; L., 1973.